

В. Набоков, *Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*, Перевод с английского; [Научный редактор и автор вступительной статьи В. П. Старк], С.-Петербург, «Искусство-СПБ», «Набоковский фонд», 1998, 926 с.; **В. Набоков, *Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина***, Перевод с английского; Под редакцией А. Н. Николюкина, Москва, «НПК „Интелвак“», 1999, 1008 с., илл.

Мне нравятся очень... *обои!*

For many years Vladimir Nabokov's commentary to "Eugene Onegin" was not available for non-English readers. Just recently two different Russian versions of the book have appeared to celebrate the bicentenary of Puškin and the centenary of his commentator. Unfortunately, both publications are characterized by mistranslations and the insufficient competence of the editors. A demonstration of the most typical examples of these inaccuracies is no substitute for an analysis of the merits and deficiencies of the original, which remains the centre of attention for the reviewers throughout.

Первый опыт научного комментирования «Евгения Онегина» был предпринят еще в прошлом веке (Вольский 1877). В нынешнем столетии монографические комментарии, посвященные пушкинскому роману, выпустили Н. Л. Бродский (1932; 1950) и Ю. М. Лотман (1980); в жанре притекстовых пояснительных примечаний выделяются работы С. М. Бонди (1936) и А. Е. Тархова (1978), а для западной русистики наибольшее значение приобрели англоязычные комментарии Д. И. Чижевского (Čiževskij 1953) и особенно В. В. Набокова. Капитальный труд последнего, превосходящий по объему вышеперечисленные сочинения вместе взятые, толкует не только пушкинский текст (по изданию 1837 г. с учетом всех печатных и рукописных вариантов), но также его английский перевод, сделанный самим комментатором.

До недавнего времени русскоязычной аудитории труд Набокова был почти недоступен. Зато к двухсотлетию великого поэта и к столетию его выдающегося комментатора набоковский *opus magnum* появился сразу в двух русских переводах: одно издание, курируемое Набоковским фондом, увидело свет в Петербурге, другое, подготовленное творческим коллективом при ИНИОН РАН, было выпущено в Москве. Оба издания не обошли вниманием московские рецензенты, обрушившие на первую книгу шквал в общем-то справедливых упреков, а вто-

рую осыпавшие градом непомерных похвал (Ланин 1999; Махов 1999). Мы надеемся, что сопоставление конкурирующих переводов с оригиналом позволит исправить этот перекосяк в оценках и в очередной раз привлечет внимание к эдиционной судьбе памятников филологической мысли XX в.

Начнем с вопроса об источнике перевода. Научные редакторы обоих изданий, В. П. Старк и А. Н. Николоюкин, не сговариваясь, взяли за основу первую публикацию книги (Nabokov 1964), хотя при жизни автора вышло ее второе, пересмотренное издание (Nabokov 1975)¹. В четырехтомнике 1975 г. правкой оказались затронуты как английские версии пушкинских текстов, так и отдельные примечания-комментарии². В специальном предисловии (Nabokov 1975, 1: xiii—xiv) были перечислены изменения, внесенные по указанию критиков и рецензентов. Так, в первом издании (Nabokov 1964, 2: 305) были неверно обозначены расположение крепости Очаков («к западу от Одессы» вместо «к востоку от Одессы») и год русско-турецкого договора, по которому эта крепость отошла к России (1792 вместо 1791). Редактор петербургского перевода посвятил специальное примечание хронологической оплошности Набокова, упустив из виду географическую (Старк 1998, 685 примеч. 23); в московском переводе обе ошибки оставлены в неприкосновенности (Николоюкин 1999, 307). Однако в другом случае на высоте оказались москвичи, предупредившие читателя, что хрестоматийное стихотворение Гёте «Wanderers Nachtlied» начинается словами *Über allen Gipfeln*, а не *Auf allen Gipfeln* (Николоюкин 1999, 257 примеч. *; ср. Старк 1998, 228). Ну, а тот факт, что Пушкин был выпущен из Лицея с чином 10-го класса, а не 14-го, как утверждал Набоков (Nabokov 1964, 3: 130), отметили и те, и другие (Николоюкин 1999, 682; Старк 1998, 696 примеч. 2). Но, к сожалению, редакторам переводов осталось невдомек, что все эти неточности были ранее устранены самим автором комментария.

Обращение к устаревшему тексту способствовало реанимации давно отвергнутых гипотез, как это произошло с трактовкой прозвища *Red-Rover* (*Красный пират*), которым наградила Пушкина А. А. Оленина. Первоначально Набоков, опирающийся на легковесные соображения О. Н. Оом (1936, 95 примеч. 31), полагал, что эта кличка восходит к имени *Jack Rover* из комедии Дж. О'Киффа «Wild Oats» («Дикий ячмень»). Для обоснования явно несостоятельной концепции пришлось допустить, что «мисс Оом» неверно «читает „Jack“ как <...> „Red“» (Nabokov 1964, 3: 202). Мало того, чтобы убедительнее изо-

бразить некомпетентность издательницы, Набоков беспочвенно обвинил ее в том, что слову *Red* 'Красный' в публикации дневника Олениной «анахронично» придается «политический смысл». Вся эта нелепица добросовестно воспроизведена в переводе под редакцией В. П. Старка, несмотря на то что в 1975 г., сославшись на сообщение К. Проффера, комментатор исправил ошибку и указал истинный источник пушкинского прозвища — роман Дж. Ф. Купера «The Red Rover» (Nabokov 1975, 3: 202; ср. 1: xiv). Между тем о романе Купера в этой связи еще до Набокова писала Т. Г. Цявловская (1958, 267—268). В. П. Старк (1998, 698—699 примеч. 34) почему-то считает, что Набоков не пользовался публикацией Оом и цитировал дневниковые записи Олениной по статье Цявловской — как видим, дело обстояло прямо противоположным образом.

В московском переводе обсуждаемый эпизод вообще не представлен: соответствующее место было исключено вкупе с другими «комментариями к черновикам пушкинских строф» (Николюкин 1999, 9). Таким образом, редактор одним махом перечеркнул добрую треть набоковского труда. Не снискали пощады ни пояснения к «картежным» строфам (2, XVII), относящиеся к числу несомненных удач Набокова, ни замечания о дорожной библиотеке Онегина (7, XXII), ни комментарии к разным редакциям лирического отступления о лицейской юности (8, I). Трудно сказать, какими мотивами руководствовался редактор, купирова текст, тем более, что «чистка» проведена непоследовательно: то тут, то там всплывают разрозненные цитаты из пушкинских черновиков и обрывки относящихся к ним комментариев (см. Николюкин 1999, 69—70, 577—578, 646—647 и др.). Петербургское издание грешит неоправданными пропусками в неизмеримо меньшей степени (ср. Старк 1998, 290, 293 и др.), и всё же в некоторых случаях более или менее полное представление о содержании подлинника можно составить, только положив перед собой оба перевода: фрагменты, выброшенные в одном, сохранены в другом, и наоборот³.

Большой потерей для отечественного читателя обернулось исключение набоковских сопоставлений русского языкового материала с английским: иноязычные соответствия раскрывают те нюансы родного слова, которые обычно ускользают от носителей языка. Эта утрата невосполнима: ведь только Набокову (и как раз на материале «Онегина») «удалось осуществить величайшее из предпринятых когда бы то ни было исследований различия русского и английского языков и русской и англоязычной литературных традиций в целом» (Тодд 1999, 9).

Обе книги обедняет также устранение английской версии пушкинского романа: переводной текст всегда заключает в себе интерпретацию оригинала средствами другого языка. Так, неслучайно в стихе 7, V, 2 (*В своей коляске выписной*) Набоков прокомментировал только существительное *коляска* и обошел стороной трудное для наших современников прилагательное *выписная*: семантика последнего раскрыта в переводе — *imported* 'заграничная, импортная' (Nabokov 1964, 1: 263)⁴.

Но дело не только в частной информации, потерянной для русского читателя. Произвольно урезая и адаптируя этот грандиозный труд, мы оказываемся в положении текстолога, решившего очистить «Войну и мир» Толстого от «ненужных» историософских отступлений и русско-французского двуязычия. Ведь произведение Набокова — не только и даже не столько научное явление (ср. Чуковский 1988, 339—340; Виттакер 1996, 402), сколько результат оригинального эстетического и литературно-критического осмысления «Онегина» большим мастером слова, эрудитом, хорошо знакомым с разными европейскими литературами, прочитанными на языке подлинника. Вообще привлечение широчайшего литературного контекста — едва ли не самое ценное качество комментария. В данном отношении Набоков не имел ни предшественников, ни последователей (исключая разве что тех, кто явно или тайно воспользовался его находками).

На первом месте по числу сопоставлений с «романом в стихах» стоит поэзия Байрона: в комментарии отмечено около полусотни случаев конвергенции [недавно они были каталогизированы В. С. Баевским (1996, 8—12)]. За английской литературой идет французская: комментатор приводит, в том числе, с десяток убедительных фразеологических и сюжетных параллелей к «Евгению Онегину» из «Новой Элоизы» Руссо и столько же совпадений с лирикой Парни, включая точную цитату по-французски в черновом примечании к XVIII строфе второй главы и заимствование-перифраз из «картины» «La Main» («Рука») в стихах 3, XXV, 1—6 (*Кокетка судит хладнокровно* и проч.). Последнее наблюдение Набоков считал своим существенным открытием, которым по праву гордился (ср. Набоков-Сирий 1957а, 138), — тем не менее в книге Лотмана (1980, 221) оно подано без ссылки на первоисточник. Проследившая влияние французских элегиков на русскую поэзию «золотого века», Набоков особо останавливается на роли Батюшкова как посредника и, в частности, подмечает факт, который «исследователю Пушкина может показаться небезынтересным» (Nabokov 1964, 3: 74). Строку из «Последней весны» Батюшкова (переделка

«La Chute des feuilles» Мильвуа) Пушкин с небольшими изменениями процитировал в стихотворении «Не дай мне Бог сойти с ума...» (1833): *И яркий голос Филомелы* (Батюшков) — *Не голос яркий соловья* (Пушкин); это позволило Набокову увидеть в пушкинском стихотворении намек на сумасшествие Батюшкова. Без упоминания Набокова его наблюдение попало в комментарий И. М. Семенко (1977, 544) к «Опытам в стихах и прозе» и в дальнейшем цитировалось со ссылкой на это издание (см. Вацуро, Мильчина 1989, 641—642).

Языковая пестрота книги Набокова, выступая, по-видимому, как своеобразное средство художественной выразительности, в то же время обеспечивает необходимую точность представления историко-культурных фактов. Если петербуржцам в основном удалось сохранить удивительную мозаичность набоковского повествования (для удобства читателей иностранные цитаты снабжены русскими подстрочниками), то москвичи подменили многоцветие разноязычных вкраплений бледной невнятицей переводов и пересказов. Поскольку в московском издании «французские <...> прозаические цитаты приведены только в русском переводе» и при этом «переводы с французского специально не оговариваются» (Николюкин 1999, 9), то отличить французскую цитату от английской трудно, а иногда невозможно. Попробуйте, например, угадать, на каком из двух языков Байрон цитирует Фужере де Монброна в письме к Р. Ч. Далласу (Николюкин 1999, 13). Даже в библиографических ссылках английские и французские заглавия даны только по-русски. Зато когда Набоков сравнивает неадекватные французские переложения поэм Байрона с их английскими оригиналами, москвичи, как правило, дают английский текст в русских стихотворных переводах без подлинника, а французский текст — в подлиннике, но без перевода (см. Николюкин 1999, 25, 36, 49 и др.).

Особые нарекания вызывает использование художественных переложений вместо подстрочников. Набоков поражается «смехотворной образности» («the most ridiculous piece of imagery») одного из стихотворений Ж. Делорма (Ш. Сент-Бёва): *Ses beaux seins suspendus à mon cœur qui tressaille // Comme à l'arbre ses fruits* (Nabokov 1964, 2: 155 п. *). В набоковских «Заметках переводчика» строки Делорма переданы по-русски: «<...> ее прекрасные груди были подвешены к моему содрогаящемуся сердцу, как висящие с дерева плоды» (Набоков-Сирин 1957б, 44). Вместо того, чтобы воспользоваться этим аутентичным (во всех отношениях) текстом, редактор московского издания прибегает к помощи И. Шафаренко, чьи стихи не имеют ничего общего с

французским оригиналом: *Тут сердце у меня так сладко задрожало // От дивной близости, что захватило дух* (Николюкин 1999, 168 примеч. *). Касааясь пушкинского употребления слова *тон* [*В ней сохранился тот же тон* (8, XVIII, 13)], комментатор вспоминает эпизод из «Новой Элоизы», где Сен-Пре говорит о Юлии: «*Elle conserva le même maintien et <...> continua de me parler sur le même ton*» = «Она сохранила ту же манеру держаться и <...> продолжала говорить со мной тем же тоном». В московском издании эта цитата дана в переводе Н. Немчиновой, где нет ни существительного *тон*, ни глагола *сохранить*: «Она держала себя так же просто, ее манеры не изменились — говорила она или же молчала» (Николюкин 1999, 738). В связи с *Армидой* (1, XXXIII, 10) Набоков приводит выдержку из французской прозаической версии Тассова «Иерусалима», принадлежащей Ш.-Ф. Лебрену. О содержании этого фрагмента нам предлагается судить по стихотворному переложению соответствующей итальянской октавы (Николюкин 1999, 151). Надо ли говорить, что сходство между французской прозой и русскими стихами весьма отдаленное?

Стремление не допустить в текст иноязычные вставки подчас доходит до абсурда. Даже когда Набоков сравнивает *звучание* английского *poise* 'шум' и русского *шум*, московские переводчики умудряются обойтись без английского слова (Николюкин 1999, 154). Об имени Татьяны мы узнаём, что оно произносится с «ударным „а“, звучащим как „ах“» (Николюкин 1999, 285) — имеется в виду английское междометие *ah* [a:] (Nabokov 1964, 2: 279). В том месте, где автор разбирает французские написания имени *Childe-Harold*, эти орфограммы транслитерированы кириллицей (Николюкин 1999, 170). Аналогичные замечания о французских написаниях имени *Shakespeare* (Nabokov 1964, 2: 210) из московского издания изъяты.

Органичному восприятию набоковского текста мешает филологическая неподготовленность переводчиков и редакторов, которые не смогли разобраться даже в элементарных литературоведческих терминах. Московские интерпретаторы Набокова, кажется, не знают, что *long poem* (Nabokov 1964, 2: 36, 137) — это не «большая поэма» (Николюкин 1999, 38, 146), а просто 'поэма' (в отличие от *poem* 'стихотворение'). Их петербургские коллеги, смело окрестившие «Капитанскую дочку» «небольшим изумительным романом», а шишковское «Рассуждение о старом и новом слоге» — «диссертацией» (Старк 1998, 264, 546), судя по всему, не ведают, что *short novel* означает 'повесть', а *dissertation* — 'рассуждение' (Nabokov 1964, 2: 290; 3: 170). Напрас-

но москвичи считают, что *Italian romances* (Nabokov 1964, 2: 36) — это «итальянские любовные романы» (Николюкин 1999, 39): речь у Набокова идет о стихотворном рыцарском романе эпохи Возрождения (*romanzo*). Петербуржцы перевели *romances* как «поэмы», а редактор «пояснил», что здесь имеются в виду произведения «Торквато Тассо, автора поэмы „Освобожденный Иерусалим“, и Лудовико Ариосто, автора поэмы „Неистовый Роланд“» (Старк 1998, 106, 680 примеч. 5). Всё не так: «Роланд» — не поэма, а *romanzo*, а Тассов «Иерусалим» — не *romanzo*, а эпопея (героическая поэма), и к делу отношения не имеет.

Переводчики путаются не только в жанрах, но и в литературных течениях. Набоков (Nabokov 1964, 2: 21, 29) говорит о сотрудниках «Беседы» и «Арзамаса» как о «древних» и «новых» («the Moderns» и «the Ancients»). Питерцы, используя терминологию Ю. Н. Тынянова, называют членов этих обществ то «архаистами» и «новаторами», то «архаистами» и «прогрессистами <?>» (Старк 1998, 102, 97). Москвичи, контаминируя обе пары терминов, пишут об «архаистах» и «новых» (Николюкин 1999, 19, 32). Ничуть не лучше обстоит дело с историческими реалиями. Каким чувством языка и знанием истории нужно обладать, чтобы лютеранского священника [*Lutheran clergyman* (Nabokov 1964, 3: 238)] величать «лютеранским батюшкой» (Старк 1998, 621)? Только в сказке «высокие шапки русских кучеров (*the top hats of Russian coachmen*)» (Nabokov 1964, 2: 68), с которыми сравнивается боливар Онегина (1, XV, 10), могут превратиться в «цилиндры» (Старк 1998, 127). Под стать истории — география: в одном издании Онежская губа Белого моря названа «Онежским заливом» (Старк 1998, 107), в другом — *румынское (Romanian)* наименование Белгорода-Днестровского *Cetatea Albă* (Nabokov 1964, 2: 60—61) объявляется «римским» (Николюкин 1999, 63)⁵.

Московское издание, которому, по уверению рецензента, «повезло <...> с прекрасным составом переводчиков» (Ланин 1999, 5), уже в самой первой фразе содержит грубую ошибку. Об эпитафии к пушкинскому роману («*Pétri de vanité...*») здесь сказано: «<...> цитата не подлинная — во всяком случае, в своей афористической концовке» (Николюкин 1999, 13). Заглянем в оригинал: «<...> the quotation is a spurious one — at least in its final aphoristic form» (Nabokov 1964, 2: 5) = «<...> по крайней мере<, > в ее окончательном афористическом виде» (Старк 1998, 86). Конечно, петербургский перевод тоже далек от идеала. Переводчикам ничего не стоит запросто назвать троянского

царя Приама «кротким стариканом», а потакание собственным слабостям (*self-indulgence*) отождествить с грехом «самоублажения» (Старк 1998, 482, 242). Но всё это мелочи по сравнению с перлами косноязычия, которыми изобилуют переводы москвичей. Вот выписки, взятые *ad libitum* с нескольких страниц кряду: «<...> если понимать это слово в изначальном широком смысле, исключая, скажем, характерного для Америки понимания»; «В различных книгах, просмотренных в связи с „Онегиным“, я обнаружил следующих авторов, обращавшихся к теме этого комментария»; «Проницательность критика курьезно изменяет Пушкину» и т. д. и т. п. Лишь обращение к подлиннику или к другому переводу поможет понять, что такое «преимущества, вытекающие из „видения Света“», или «юное презрение к элегантным синонимам» (Николюкин 1999, 164, 165, 167, 48)⁶. Кого, скажите, не повергнет в изумление такой генеалогический казус: «Денди был зачат *Тщеславием* от *Жеманства* — его матери» (Николюкин 1999, 46)? А что могло бы, интересно, означать выражение *хрупкая шатия*, приписанное великому английскому поэту Дж. Томсону (Николюкин 1999, 469)? Следы небрежного обращения с подлинником несет даже титульный лист: под руками московских переводчиков монопольный набокровский «Комментарий» рассыпался на бесформенные «Комментарии».

Есть фрагменты, неправильно переведенные в обоих изданиях. Набоков говорит о «распространенной русской ошибке», которая заключается в том, что две строки из IV песни «Энеиды» цитируются «как отдельный стих» [«<...> the common Russian mistake of quoting the following as a discrete verse» (Nabokov 1964, 2: 53)]. Вот перевод московский: «<...> фраза, обыкновенно в России ошибочно цитируемая как состоящая из отдельных стихов» (Николюкин 1999, 55). А вот как поняли Набокова в Петербурге: «<...> строка, по распространенной русской ошибке часто цитируемая вне контекста» (Старк 1998, 117). Из московского издания мы узнаём, что «пристальная разработка <!> темы Ленского» «заключается в изображении образа <!> этого юного и посредственного поэта» в «выражениях <...> затуманенных потоком неопределенных слов» (Николюкин 1999, 255). А в петербургском издании мы читаем, что «разработка темы Ленского» «подразумевает описание естества <?> этого молодого заурядного поэта посредством <...> языка <...> размытого смещением <?> нефокусированных <?> слов» (Старк 1998, 226). Мы поставили эксперимент и перевели этот же отрывок английского текста с помощью несовершен-

ной компьютерной программы — результат получился не хуже: *The special treatment of the Lensky theme... consists in describing the nature of that young and mediocre poet... in an idiom blurred by the drifts of unfocussed words* → *Специальная разработка Ленской темы... состоит в описании природы этого молодого и посредственного поэта... в идиоме, размытой дрейфами нефокусированных слов.*

Некомпетентность переводчиков — не единственная препона на пути к содержанию набоковского комментария. Он страдает из-за отсутствия у автора профессиональной филологической выучки, чем объясняются многочисленные недоговоренности, обмолвки, а то и прямые просчеты, которые обязательно должны были быть скорректированы в дополнительных научных примечаниях. Робкие попытки в этом направлении предпринял В. П. Старк (1998, 679—704), чей почин можно было бы только приветствовать, если бы законное желание уточнить и поправить редактируемый текст сплошь и рядом не оборачивалось конфузом. Так, под пером Набокова *хазарский хан Ратмир* из «Руслана и Людмилы» превратился в «хазарейца (Hazaran)» — «персоязычного монгола из Афганистана» (Nabokov 1964, 2: 235); из указателя к английскому изданию ясно, что комментатор смешивает созвучные этнонимы *хазарин (Khazar)* и *хазарец (Hazara)*; см. Nabokov 1964, 4: 39). Эти народы не имеют между собой ничего общего: хазары русской истории — предположительно тюрки, а хазарейцы, населяющие Хазараджат (горный район Афганистана между Кабулом и Гератом) — монголы, перешедшие на персидский язык (см. Ефимов 1965; и др.). В. П. Старк, пытаясь исправить ошибку Набокова, лишь усугубил ее, объявив хазарейцев потомками хазар (Старк 1998, 684 примеч. 12).

Это не единственный промах редактора. Вскользь упомянутый Набоковым «месье Бовари-рёге» в примечаниях В. П. Старка (1998, 115, 680 примеч. 7) отождествляется с другим персонажем флюберовского романа — с «лекарем Бовари», мужем Эммы. Столь же неожиданное «разъяснение» связано с упоминанием идиллика Биона в черновиках строки 1, VII, 5 (*Бранил Гомера, Феокрита* ← *Бранил Биона, Феокрита*): «Бион Смирнский — греческий поэт <...> чьи буколики дошли до нас под именем Феокрита» (Старк 1998, 680 примеч. 10). Ничего подобного: из произведений, автором которых считается Бион, Феокриту в течение некоторого времени приписывался лишь «Плач об Адонисе», а принадлежность Биону 17-ти буколических фрагментов (сохранившихся, между прочим, под его собственным именем) никогда и никем не оспаривалась. При этом редактор не только оставил без

внимания ошибку Набокова, неверно определившего грамматическую форму имени в сочетании *бранил Биона* как родительный падеж вместо винительного, но и обошел молчанием напрасные сетования комментатора по поводу того, что французские писатели-классицисты якобы «обвиняли Феокрита в вычурности (*affectation*)» (Nabokov 1964, 2: 55). На самом деле в Лагарповом «Лицее», который служил Пушкину учебником по истории словесности, сказано, что в «характере» греческого идиалиста нет ничего, кроме «простоты и правды» («*Lycée, ou Cours de littérature...*», part. I, liv. I, ch. VIII, sect. I; Покровский 1939, 37—38 примеч. 2; Пильщиков 1999, 189).

Анализ античных мотивов в «Онегине» — не самая сильная сторона набоковского комментария, и тут научному редактору было бы над чем потрудиться. В стихах 1, LX, 11—12 (*Иди же к невским берегам, // Новорожденное творенье!*) Набоков усмотрел «очевидное подражание широко известному пассажу Горация из послания I, XX» (Nabokov 1964, 2: 215). Уместнее, однако, было бы сопоставить эти строки со «Скорбными элегиями» Овидия [*Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse = Иди, хоть и не отделанная, как подобает ссылке* (Trist. 1.1.3; Шапир 1997, 38)]; кроме того, в пушкинском романе присутствует еще более десятка несомненных отсылок к Овидию, не распознанных никем из комментаторов (см. Шапир 1999а). Переводчиком полного собрания сочинений Овидия на французский язык Набоков по недоразумению счел второстепенного поэта Ж.-Ж. Лефранка де Помпиньяна (Nabokov 1964, 2: 59), которому принадлежит только стихотворная версия Trist. 1.3 (Ovide 1799, 427—439). Комментатор пишет, что костровский перевод «Метаморфоз» Апулея (1780—1781) был сделан не с подлинника, а с французского переложения аббата Компена де Сен-Мартена (Nabokov 1964, 3: 131). Вместо того, чтобы опровергнуть этот домысел, В. П. Старк некстати сообщает, что перевод Кострова «был единственным в России вплоть до XX в.» (1998, 696 примеч. 3). Неполную справку о русских версиях «Метаморфоз» (упущен из виду перевод Н. М. Соколова 1895 г.) редактор петербургского издания, очевидно, выписал из академической «Истории русской переводной художественной литературы», где, впрочем, недвусмысленно сказано, что Костров переводил Апулея «непосредственно с латинского оригинала» (Левин 1995, 206)⁷.

В маловразумительном примечании, посвященном географическим выкладкам Набокова, В. П. Старк зачем-то доводит до нашего сведения, что «в США существует двенадцать городов в разных штатах

с названием Петербург» (1998, 680 примеч. 3). При этом явные несообразности не исправляются: так, если верить Набокову (Nabokov 1964, 3: 283), на Военно-Грузинскую дорогу Пушкин выехал не из северокавказского Екатеринограда (ныне станица Екатериноградская; ср. Летопись, 53—54), а из новороссийского Екатеринослава (ныне Днепропетровск)⁸. Иными словами, примечания В. П. Старка одновременно избыточны и недостаточны. Апофеозом обеих тенденций становится примечание 14 на с. 704, где в качестве пояснения к процитированному Набоковым четверостишию из сатиры И. М. Долгорукова «Авось» повторено слово в слово то же самое четверостишие⁹.

Усилиями научного редактора петербургской книги была уничтожена строгая текстологическая база набоковского комментария. Если Набоков по возможности придерживался принципа акрибии, опираясь на все доступные публикации текстов Пушкина и транскрипции его рукописей, то В. П. Старк безоговорочно доверился академическому изданию «Евгения Онегина» под редакцией Б. В. Томашевского (Пушкин 1937)¹⁰. Набоков правильно истолковывает пушкинскую орфограмму *Rost-beef* (1, XVI, 9): «Галлицизм (а не опечатка)» (Nabokov 1964, 2: 73)¹¹. Подменив (вслед за академическим собранием) французское написание *rost-beef* английским *roast-beef*, В. П. Старк (1998, 130) лишил набоковский комментарий какого бы то ни было смысла¹². Упорно навязывая пушкинскому тексту «академическую» орфографию, редактор вступает с комментатором в ненужные пререкания, например по поводу рифмы *угрюмый : думой* (8, XXII, 9 : 12), в которой адъективное окончание *-ый* обязано своим появлением на свет не Пушкину, а советским текстологам: «У Пушкина — „угрюмый“, — настаивает В. П. Старк. — Набоков же дает в этом слове окончание „-ой“ <...> транслитерируя произносительную форму в рифму <sic!> со словом „думой“» (Старк 1998, 698 примеч. 27; ср. Шапир 1999б, 104 примеч. 8).

Что же касается работы, проделанной «весьма ответственным и эрудированным научным редактором» московского издания (Ланин 1999, 5), то ее плоды почти не видны, если, конечно, не считать вивисекции. Порезанное сочинение Набокова обогатилось лишь немногочисленными конъектурами и единичными примечаниями переводчиков — людей, достаточно далеких от пушкинистики. Главную заслугу редактора московского издания рецензенты видят в том, что оно «лишено ошибок издания петербургского», где цитаты из русских авторов в ряде случаев переведены с английского языка (Ланин 1999, 5; ср. Ма-

хов 1999, 22). По совести сказать, этот недостаток в той или иной степени присущ обеим публикациям. Например, микроцитаты из стихотворного послания Я. Н. Толстого к А. С. Пушкину, которыми инкрустирован набоковский пересказ этого стихотворения, восстановлены как раз в петербургском издании, а в московском, наоборот, нивелированы. Выдержка из письма Пушкина к Дельвигу в обеих книгах дается в обратном переводе (ср. Старк 1998, 174, 117; Николюкин 1999, 158, 55).

Рецензенты соглашались с издателями в том, что Набоков сумел прокомментировать «Евгения Онегина» «так, как и не снилось нашему литературоведению» (Николюкин 1999, 6), которое «на фоне набоковского труда имеет бледный вид даже в лучших своих образцах» (Быков 1999, 10). Но, глядя правде в глаза, нельзя не признать, что исследование Набокова не во всём соответствует нынешнему состоянию науки. Похвальное стремление соотнести набоковский «Комментарий» с новейшими достижениями пушкинистики обнаружил лишь В. П. Старк, но его исправления и дополнения слишком скупы и непоследовательны. Так, в связи с портретом Ленского в VI строфе 2-й главы редактор ссылается на содержательный этюд Н. К. Телетовой «Душой филлистер геттингенский» (1991), но игнорирует посвященные тому же фрагменту разыскания М. Ф. Мурьянова (1997). Между тем Мурьянов доказал, что важная деталь в облике Ленского (*И кудри черные до плеч*) раскрывала перед современниками его сходство с кумиром романтиков Шиллером. Этот факт восполняет вопиющую недостаточность набоковского пояснения: «В те дни носить волосы до плеч не было у юноши признаком женоподобия» (Nabokov 1964, 2: 231).

Хотя Набоков всячески противопоставлял свою работу продукции советской пушкинистики, он не погнушался воспользоваться многими ее достижениями (о чем, однако, не всегда аккуратно информировал читателя)¹³. В свою очередь, набоковский труд оказал обратное влияние на отечественную науку, тоже не всегда торопившуюся объявить об этом во всеулышание. И всё же, вопреки негласному полузапрету на упоминание писателя-эмигранта, еще 40 лет назад набоковские «Заметки переводчика», то есть отрывки из «Комментария», предварительно публиковавшиеся в нью-йоркских «Опытах» и «Новом журнале», были сочувственно процитированы академиком В. В. Виноградовым (1959, 171—172). После этого имя Набокова-комментатора попало в учебные пособия (Рейсер 1970, 299; 1978, 151), где встало в один ряд с официально признанным Н. Л. Бродским. Эти факты не

нашли отражения во вступительной статье В. П. Старка, утверждающего, что «первым из отечественных пушкинистов, кто откликнулся на набоковский Комментарий <...> был академик М. П. Алексеев <...> (1977)» (Старк 1998, 19).

Ни в том, ни в другом издании нет ни слова о роли Лотмана, благодаря которому часть набоковских тезисов (не только верных, но и сомнительных) получила права гражданства в нашей пушкинистике. При этом надо оговориться, что из-за отсутствия ссылок некоторые набоковские наблюдения были восприняты как лотмановские. Так, Мурьянов (1996, 261—264), усомнившийся в справедливости сопоставления пушкинского выражения *Шиболет народный* (10, [VI], 1) с байроновским *shibboleth* «*God damn!*» («Don Juan» XI, xii, 2), был искренне уверен, что полемизирует с Лотманом (1980, 402), хотя эту параллель впервые отметил американский комментатор (Nabokov 1964, 3: 324). Вторя Набокову (Nabokov 1964, 2: 324), Лотман был убежден, что *столик* в доме Лариных не потому назван *вощаным* (3, III, 7), что натерт воском, а потому, что накрыт «вощаной <...> скатертью» (1980, 209)¹⁴. Примеры совпадений между комментариями могут быть легко умножены.

Не боимся повторить, что Набоков (при его замечательном эстетическом чутье) в науке был дилетантом, и, размышляя над текстами пушкинской поры, нередко опирался не на лингвистические познания, а на языковую интуицию. Так, по поводу форм дательного и местного падежа *по-латынѣ* (1, VI, 3), *въ желтой шальѣ* (3, XXVIII, 3), *въ бани* (5, X, 3) комментатор самоуверенно заявляет: «Должно быть *латыни*»; «Неверное окончание местного падежа»; «Правильная форма, разумеется, *в бане* (или, по старой орфографии <...> *въ банѣ*)» (Nabokov 1964, 2: 51, 376, 499). Не надо забывать, что понятие «правильности» исторически изменчиво и нормы русского языка в XIX в. существенно отличались от нынешних. По крайней мере, в письменной речи Пушкина-прозаика окончания *-и* и *-ѣ* употреблялись недифференцированно, а в стихах по необходимости взаимозаменялись ради графической точности рифмы (Рак 1996; ср. Обнорский 1927, 250, 293). Поскольку в своих суждениях Набоков исходил из современной письменной нормы, он счел «бедной» точную и богатую рифму *кулис : несли[с]* (1, XVIII, 13 : 14); он без колебаний решал непростой вопрос, как следует произносить имя Г/ѳ/те в стихах Пушкина (2, IX, 5—6) и Жуковского (ср. Гаспаров 1996, 525); он готов был допустить, что обстоятельство *на Москве* (7, LI, 1—2) означает не

только 'в Москве', но и 'на Москве-реке' (ср. Судаков 1972; Шанский 1999, 123), и т. д.

Значительно лучше у Набокова проведен «анализ французского идиоматического субстрата в языке „Евгения Онегина“» (Гаспаров 1999, 331 примеч. 6; ср. Чуковский 1999, 342—343). Вот лишь начало списка семантических, фразеологических и синтаксических галлицизмов Пушкина, найденных исследователем: *счастливый талант* (1, V, 8) = *l'heureux talent*; *непостоянный обожатель* (1, XVII, 6) = *volage adorateur*; *желаний <...> рой* (1, XXXII, 8) = *l'essaim des désirs*; *кипящей младости моей* (1, XXXIII, 8) = *ma bouillante jeunesse*; *саблю и свинец* (1, XXXVII, 14) = *le sabre et le plomb*; *поля* (1, LVI, 2) = *les champs* 'поля; сельская местность'; *Он был свидетель умиленный // Ее младенческих забав* (2, XXI, 3—4) = *Il fut le témoin attendri de ses ébats enfantins*. В подтверждение «галльского» генезиса этих и других конструкций подобраны примеры аналогичных оборотов в произведениях французских авторов: Расина, Вольтера, Парни, Бертена и др. Однако и в этой области у комментатора случаются осечки: вряд ли, например, можно считать галлицизмом сочетание *милая привычка* (Письмо Онегина, стих 12). Набоков приводит в качестве параллели французский оборот *douce habitude* 'сладкая (милая) привычка', на который вроде бы должен был ориентироваться Пушкин (Nabokov 1964, 3: 214). Но как тогда объяснить то обстоятельство, что в написанном по-французски письме к П. А. Осиповой (около 26.X 1835) поэт, имея непосредственную возможность воспользоваться этим словосочетанием, предпочел ему немецкое *süsse Gewohnheit* 'сладкая (милая) привычка' (см. об этом Мурьянов 1999)?

Едва ли редакторам стоило оставлять без оговорок набоковские excursus в этимологию — в ней комментатор был не силен. В одном месте он высказывает совершенно фантастические догадки о происхождении слова *пень* (Nabokov 1964, 2: 284; в московском издании этот пассаж стыдливо урезан). В другом месте Набоков пытается доказать, что слово *блин* родственно английскому *flawn* 'ватрушка; блин', французскому *flan* 'флан, крем-желе' и еврейскому (идиш) *blintz* 'блин' (Nabokov 1964, 2: 229)¹⁵. На самом деле слова последней группы принадлежат двум разным этимологическим гнездам: английское *flawn* заимствовано из французского [ст.-франц. *flaon* (соврем. *flan*) < др.-верх.-нем. **flado* от *flah* 'плоский'], а еврейское *בלִינְצֵם* заимствовано из русского [*блин-ц-ы, блинъ* < *млинъ* (и.-е. корень **mel-* 'молоть')]. Приходится только сожалеть, что верная дефиниция слова *жучка* (5,

II, 10) — «собачонка темного окраса» (Nabokov 1964, 2: 492) — во втором издании «Комментария» была заменена надуманной этимологией: «Мне пришло в голову, что *жучка* может восходить к „Joujou“ (или „Vijou“)» (Nabokov 1975, 2: 492)¹⁶. Впрочем, от тиражирования последней ошибки издатели были застрахованы, поскольку не принимали в расчет окончательную редакцию текста.

Небезупречны у Набокова и отдельные лексико-фразеологические дефиниции. Например, значение слова *винегрет*, написанного у Пушкина по-русски и по-французски [I, XVI, 10 (варианты)], в комментарии определяется так: «<...> блюдо из овощей, приправленных растительным маслом и уксусом» (Nabokov 1964, 2: 75). Но во времена Пушкина *винегретом* называли не овощную смесь, а прежде всего мясную. В. А. Лёвшин, прославленный упоминанием его имени в седьмой главе романа, разъяснял: «ОКРОШКА или *Винегретъ* <...> Такъ называется холодное кушанье, дѣлаемое изъ остатковъ жаренаго всякаго мяса» (1796, 17). Даже в послепушкинскую эпоху это слово сохраняло исходное значение: «**Винегретъ** фр. Холодное кушанье изъ мяса или рыбы съ примѣсью картофеля, луку, свеклы и пр., облитое соусомъ изъ уксуса, горчицы и сахару» (Углов 1859, 37). Иной раз, напротив, Набокова заводит в тупик именно старание избежать анахронизмов (эффект гиперкоррекции). Когда Пушкин использует имя *Приамы* в значении 'многодетные отцы' (7, IV, 5), комментатор сетует на то, что поэта «подвела литературная память» (Nabokov 1964, 3: 73), поскольку он-де не учел французского выражения *un Priam* 'несчастнейший человек'. Однако очевидно, что в данном примере пушкинское словоупотребление не имеет к французскому никакого отношения (ср. Шанский 1999, 118—119). Эти погрешности Набокову можно было бы простить: рядом с его заслугами они меркнут. Но только ни к чему выдавать эти недочеты за последнее слово науки, преподнося их под маркой «открытій <...> которые явились плодом длительных и кропотливых научных изысканий» (Старк 1998, 24).

Ни для кого не секрет, что внушительный объем набоковского комментария создается не только за счет полезной и нужной информации, но и благодаря множеству сведений, имеющих самое отдаленное отношение к комментируемому произведению (см. Чуковский 1988, 337—341 и др.). Во всём этом многообразии англоязычному читателю помогает ориентироваться подробный индекс (Nabokov 1964, 4: 1—109), в который включены имена реальных лиц и литературных персонажей, заглавия художественных произведений и названия периодических из-

даний, географические названия, а также нарицательные слова, вызвавшие у комментатора особый интерес¹⁷. В русских версиях набоковского комментария этот пространственный индекс заменен двумя скромными указателями (исторических лиц и пушкинских произведений), которые по тщательности много уступают соответствующему разделу подлинника. В московском указателе слились в одно лицо Б. Л. и Л. Б. Модзалевские (отец и сын); напротив, редактор критического издания Шатобрианова «Рене» Арман Вейль (Armand Weil) распался натрое: «Вейль А.» (в тексте «Артем Вейль»), «Вейль, издатель» и «Уэйл, издатель». В указателе перепутаны отсылки к именам П.-А. Лебрена и П.-Д. Экушара-Лебрена, причем последний значится в нем как «Лебрэн П. Д. Э.» (Николюкин 1999, 989, ср. 291). Составитель петербургского указателя не сообразил, что третий однофамилец, «Лебрэн (Lebrun) Шарль Франсуа», и некто «Prince Lebrun» (ср. Старк 1998, 908, 800) — одно и то же лицо: князь (prince) Ш.-Ф. Лебрэн. В обоих изданиях не повезло И. И. и М. А. Дмитриевым (дяде и племяннику). В московском указателе М. Дмитриеву помимо сильного влияния на творчество юного Пушкина приписано авторство стихотворений «Ермак», «К Волге» и «Освобождение Москвы», написанных дядей за год-два до рождения племянника, а также трех книг басен, составивших славу И. Дмитриева (Николюкин 1999, 985—986, ср. 685, 590, 635, 663, 664). В указателе книги, вышедшей в Петербурге, Дмитриев-племянник отправлен на вечер к Н. Полевому (19. II 1827) вместо Дмитриева-дяди (Старк 1998, 913, ср. 417).

Из полезного вспомогательного средства указатели мало-помалу превращаются в тест на эрудицию. Чтобы догадаться, кто такой «Литтре М. П.», необходимо вспомнить, что лексикографа Эмиля Литтре полностью звали Максимилиан Поль Эмиль. Известного в свое время литератора Шарля Палиссо (Palissot de Montenoüy) не сразу распознаешь под именем «Монтенуа Палисс<с>о К<арл?> де» (Николюкин 1999, 990, 991). Переводчики напрасно отказываются от традиционного написания целого ряда иностранных фамилий. Например, легендарный щеголь Джордж Бруммель (Brummel) фигурирует в московском издании как *Браммел*, а в указателе к петербургскому изданию — как *Брёммель*, при том что в основном тексте он именуется *Бруммелем* (так писал по-русски его фамилию сам Набоков). Совсем экзотично выглядит форма *Лейбнитц* рядом с привычной *Лейбниц* (Николюкин 1999, 589, 989), а некоторые транскрипции и транслитерации просто ошибочны: так, в издании В. П. Старка французский

академик П.-Л. Женгене (Ginguené) почему-то дважды назван «Генгине» (1998, 189, 903).

Не приходится сомневаться в том, что набоковский труд даже в тех карикатурных переводах, что мы имеем, «станет настольным изданием для филологов, учителей, а также для любителей Пушкина и Набокова» (Ланин 1999, 5). Жаль только, что издательские суррогаты, состряпаные в предъюбилейной спешке и завернутые в суперобложку с именами обоих классиков, сегодня имеют шанс вполне удовлетворить нетребовательный читательский спрос. А если так, то нового, добросовестно подготовленного, подлинно научного издания набоковского «Комментария» на русском языке мы не дождемся еще очень долго — может быть, никогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вероятно, предпочтение первому изданию было отдано лишь потому, что на него не распространяется действие Всемирной конвенции об авторском праве (The Universal Copyright Convention, Женева, 6.IX 1952 / Париж, 24.VII 1971): СССР к этой конвенции присоединился только 27.V 1973.

² Три примечания (к стихам 2, XVIII, 13—14; 3, XIV, 9—10; 8, V, 13—14) были сокращены (в последнем из них опущен абзац, начинавшийся с характерной оговорки: «Хотя это не имеет никакого отношения к Пушкину <...>»). Два примечания были дополнены [1, XVII, 12 (*Обшикать Федру, Клеопатру*; введено указание на оперу Д. Чимарозы «Клеопатра»); 7, XLVI, 2]; еще два примечания были заменены (5, II, 10 и 8, XXVII, 13—14). Кроме того, Набоков снял шесть примечаний (4, XI, 4; XXIV, 11; XL, 11; 5, XXXV, 13—14; 7, XLVI, 6, 8) и добавил два [к стихам 2, XXXV, 5 (здесь определено значение слова *говеть*) и 2, XLI, 9 (к пушкинскому употреблению обстоятельства *в передней* приведена параллель из IX послания Буало)]. Комментарий к стихам 1, XLIV, 12—14, по недосмотру отнесенный к XLIII строфе, в издании 1975 г. был водворен на правильное место (редакторы русских переводов этого композиционного нарушения не заметили: см. Старк 1998, 187; Николюкин 1999, 183).

³ Следует подчеркнуть, что в тексте, подготовленном под наблюдением В. П. Старка, все сокращения обозначены отточиями, тогда как в московском издании знаки купюры появляются лишь от случая к случаю.

⁴ Характерно, что авторы русскоязычных комментариев сосредотачиваются как раз на прилагательном (Лозинский 1937, 315; Лотман 1980, 313; Шанский 1999, 119).

⁵ Подобного рода «ложные друзья переводчиков» стали для них настоящим камнем преткновения. Английское *rudimentary* 'зачаточный' скорее соответствует русскому прилагательному *эмбриональный*, а не *рудиментарный*; *ambition* 'стремле-

ние, мечта' как синоним *dream* 'мечта, греза' не совпадает по значению с русским *амбиция*; *prismatic mind* — это, конечно, 'многогранный ум', а вовсе не «призматический», и т. д. (ср. Старк 1998, 213, 402; Николоукин 1999, 230, 231, 499).

⁶ Ср.: «The advantages resulting from „seeing the World“» = «Преимущества того, кто „видел свет“»; «youthful contempt for the elegancies of synonymization» = «юношеское презрение к прелестям синонимии» (Nabokov 1964, 2: 44, 45; Старк 1998, 111).

⁷ Набоков считал, что Пушкин ознакомился с Апулеем по французскому переводу, а не по русскому. Это мнение, получившее поддержку Ю. М. Лотмана (1980, 337), лишь недавно аргументированно оспорил Д. Н. Черниговский (1999).

⁸ К набоковским ошибкам прибавлены переводческие. Реку Кубань, которая от подножия Эльбруса течет на северо-запад [«N and W» (Nabokov 1964, 3: 285)], В. П. Старк и его сотрудники повернули сначала «на север и затем на восток» (1998, 622): *Течет вода Кубань-реки, // Куда велят большевики.*

⁹ Поэтический сборник Долгорукова «Бытие моего сердца» (1802), у Набокова неточно названный «Бытиё (*Bitiyo*) сердца моего» (Nabokov 1964, 3: 325), в петербургском издании переименован в «Капище моего сердца» (Старк 1998, 647) — в действительности это заглавие составленного Долгоруковым прозаического «Словаря всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни».

¹⁰ В. П. Старк наивно полагает, что «в академическом Полном собрании сочинений А. С. Пушкина» опубликованы «авторские оригиналы» с сохранением «их орфографии и пунктуации» (1998, 24). Удивительное замечание в устах ученого-пушкиниста.

¹¹ Такое написание встречается у Парни в «Goddam!». Этот вопрос Набоков трагивает и в «Заметках переводчика», перепечатанных в приложении к петербургскому изданию (Старк 1998, 814; ср. Набоков-Сирин 19576, 44).

¹² По вине издания 1937 г. ошибочное представление о том, что Пушкин писал слово *ростбиф* по-английски, проникло в учебную литературу (см. Финкель, Баженов 1954, 59).

¹³ В частности, примечание к стихам 8, XXXVIII, 12—13 (*И он мурлыкал: Benedetta // Иль Idol mio <...>*) Набоков позаимствовал у «невежественного <...> компилятора Бродского» (Nabokov 1964, 2: 246), опустив при этом ссылки на первоисточники: «„Benedetta sia la madre“, „Да будет благословенна Мать“, венецианская баркарола. На этот мотив были написаны русские четырехстопные хорей „Венецианской ночи“ Козлова, посвященные Плетневу и напечатанные в обозрении (review) „Полярная звезда“ (1825):

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебряная луной...

„Idol mio, piu <sic!> расе non ho“, „Мой кумир, у меня больше нет покоя“: припев из дуэттино Винченцо Габусси (1800—1846) „Se, o cara, sorridi“ („Если

б, о дорогая, ты улыбнулась“») (Nabokov 1964, 3: 230—231). Ср. комментарий Бродского: «А. П. Керн в своих воспоминаниях рассказывает: „Во время моего пребывания в Тригорском я пела Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Светлоюжною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной (и проч.).

Мы пели этот романс Козлова на голос *Benedetta sia la madre*, баркароллы венецианской. Пушкин с большим удовольствием слушал эту музыку“ <...> Н. О. Лернер указал, что „*idol mio*“ — припев из дуэтино <*sic!*> итальянского композитора Габусси („*idol mio, piu* <*sic!*> *race non ho*“ — идол мой, я покоя лишён») (Бродский 1950, 302).

¹⁴ По свидетельству исследовательницы старинного русского быта Р. М. Кирсановой, Лотман усомнился в таком понимании текста после беседы с нею, состоявшейся в декабре 1989 г.

¹⁵ В московском издании лингвистическая ошибка усугубляется переводческой: «Блин схож с ватрушками» (Николюкин 1999, 300).

¹⁶ Заблуждение, в которое Набоков впал самостоятельно, разделял такой крупный лингвист, как М. Фасмер (ср. Шанский 1966, 175—176).

¹⁷ Время от времени в алфавитный список попадают сведения, место которым скорее в основном тексте комментария. В индексе, например, указано, что финскому топониму *Viiuri* соответствует русский *Выборг* (в переводных изданиях этот факт не отмечен: см. Старк 1998, 479; Николюкин 1999, 621).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баевский, В. С.: 1996, 'Присутствие Байрона в <<Евгений Онегин>>', *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 55, № 6, 4—14.
- Бонди, С.: 1936, А. С. Пушкин, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Редакция текста, примечания и объяснительные статьи С. Бонди, Москва — Ленинград.
- Бродский, Н. Л.: 1932, *Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*, Москва (= Комментарии к памятникам художественной литературы; Вып. I).
- Бродский, Н. Л.: 1950, <<Евгений Онегин>>: *Роман А. С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы*, Издание 3-е, переработанное, Москва.
- Быков, Д.: 1999, 'Набоков, оруженосец Пушкина: Роман о романе с романом: [Рецензия на книгу:] В. Набоков, Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин», С.-Петербург 1998', *Литературная газета*, 17 марта, № 11 (5736), 10.
- Вацууро, В. Э., В. А. Мильчина: 1989, 'Комментарии', *Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры*, Москва, 606—676.
- Виноградов, В. В.: 1959, *О языке художественной литературы*, Москва.

- Виттакер, Р.: 1996, 'Из истории «Евгения Онегина» на английском: переводчик Владимир Набоков и его рецензент Эдмунд Уилсон', *Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацуры*, Москва 1995/1996, 401—408.
- Вольский, А.: 1877, *Объяснения и примечания к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*, Москва, вып. [I]—II.
- Гаспаров, М. Л.: 1996, 'Иноязычная фоника в русском стихе', *Русское подвижничество*, Москва, 523—540.
- Гаспаров, Б. М.: 1999, 'Поэтика Пушкина в контексте европейского и русского романтизма', *Современное американское пушкиноведение: Сборник статей*, С.-Петербург, 301—332.
- Ефимов, В. А.: 1965, *Язык афганских хазара: Якаулангский диалект*, Москва.
- Ланин, Б.: 1999, 'Все дело в редакции и в переводе: Путешествие Пушкина и Набокова с русского на английский и обратно: [Рецензия на книги:] В. Набоков, Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин», С.-Петербург 1998; В. Набоков, Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина, Москва 1999', *Ex libris НГ*, 27 мая, № 20 (32), 5.
- Левин, Ю. Д.: 1995, 'Начало 1760 — середина 1780-х годов: Просветительство', *История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век*, С.-Петербург, т. I: Проза, 142—212.
- Лёвшин, В. А.: 1796, *Словарь Поваренный, Приспешничий, Кандиторский и Дистилляторский*, [Перевел В. А. Лёвшин], Москва, ч. III: от Ог. до П.
- Летопись — *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т.*, Составитель Н. А. Тархова, Москва 1999, т. III: 1829—1832.
- Лозинский, Л. Г.: 1937, 'Опыт комментария; Словарь имен собственных', А. Пушкин, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Юбилейное издание, Под редакцией М. Л. Гофмана, Париж, 306—334.
- Лотман, Ю. М.: 1980, *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя*, Ленинград.
- Махов, А.: 1999, 'С английского на «петербургский»? Набоковские комментарии к «Онегину»: [Рецензия на книги:] В. Набоков, Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина, Москва 1999; [В. Набоков, Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин», С.-Петербург 1998]', *Книжное обозрение*, 15 июня, № 24 (1722), 22.
- Мурьянов, М. Ф.: 1996, *Из символов и аллегорий Пушкина*, Москва.
- Мурьянов, М. Ф.: 1997, 'Портрет Ленского', *Вопросы литературы*, № 6, 102—122.
- Мурьянов, М. Ф.: 1999, 'Жизнь как «süsse Gewohnheit»: (Об одной немецкой цитате у Пушкина)', *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 58, № 3, 71—75.
- Набоков-Сирин, В.: 1957а, 'Заметки переводчика', *Новый журнал*, кн. XLIX, 130—144.
- Набоков-Сирин, В.: 1957б, 'Заметки переводчика', *Опыты*, [кн.] VIII, 36—49.
- Николюкин, А. Н.: 1999, В. Набоков, *Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина*, Перевод с английского; Под редакцией А. Н. Николюкина, Москва.

- Обнорский, С. П.: 1927, *Именное склонение в современном русском языке*, Ленинград, вып. 1: Единственное число (= Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР; т. С, № 3).
- Оом, О. Н.: 1936, *Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828—1829)*, Предисловие и редакция О. Н. Оом, Париж.
- Пильщиков, И. А.: 1999, 'Виргилий', *Онегинская энциклопедия*, Москва, т. I: А — К, 188—190.
- Покровский, М. М.: 1939, 'Пушкин и Античность', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, Москва — Ленинград, [вып.] 4/5, 27—56.
- Пушкин: 1937, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], т. 6: Евгений Онегин.
- Рейсер, С. А.: 1970, *Палеография и текстология нового времени*, Москва.
- Рейсер, С. А.: 1978, *Основы текстологии: [Учебное пособие для студентов педагогических институтов]*, Издание 2-е, Ленинград.
- Рак, В. Д.: 1996, 'Наблюдения над употреблением в текстах Пушкина окончаний «и» и «ъ»', *Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацуро*, Москва 1995/1996, 315—326.
- Семенко, И. М.: 1977, 'Примечания', К. Н. Батюшков, *Опыты в стихах и прозе*, Москва, 493—595.
- Старк, В. П.: 1998, В. Набоков, *Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*, Перевод с английского; [Научный редактор и автор вступительной статьи В. П. Старк], С.-Петербург.
- Судаков, Г. В.: 1972, 'На Москве — в Москве', *Русская речь*, № 5, 66—70.
- Тархов, А.: 1978, А. С. Пушкин, *Евгений Онегин*, Вступительная статья и комментарий А. Тархова, Москва.
- Телетова, Н. К.: 1991, '«Душой филистер геттингенский»', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. XIV, 205—213.
- Тодд, У. М., III: 1999, 'Введение', Перевод А. Е. Барзаха, *Современное американское пушкиноведение: Сборник статей*, С.-Петербург, 5—17.
- Углов, В. Н.: 1859, *Объяснительный словарь иностранных слов, <,> употребляемых в русском языке*, С.-Петербург.
- Финкель, А. М., Н. М. Баженов: 1954, *Современный русский литературный язык*, Киев.
- Цявловская, Т. Г.: 1958, 'Дневник А. А. Олениной', *Пушкин: Исследования и материалы*, Москва — Ленинград, т. II, 247—292.
- Черниговский, Д. Н.: 1999, '«В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал, читал охотно Апулея...»: (из комментария к «Евгению Онегину» А. С. Пушкина', *Статьи о Пушкине: к 200-летию со дня рождения поэта*, Москва, 88—91.
- Чуковский, К.: 1988, 'Онегин на чужбине' [1964—1969], К. Чуковский, *Высокое искусство*, Москва, 324—347.
- Шанский, Н. М.: 1966, 'О некоторых названиях собаки в русском языке: (коррективы к «Русскому этимологическому словарю» М. Фасмера)', *Этимологические исследования по русскому языку*, Москва, вып. V, 172—176.

- Шанский, Н. М.: 1999, 'Краткий лингвистический комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: [Главы 7—8]', *Русский язык в школе*, № 3, 118—128 (без подписи).
- Шапир, М. И.: 1997, 'Пушкин и Овидий: дополнение к комментарию: («Евгений Онегин», 7, ЛП, 1—2)', *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 56, № 3, 37—39.
- Шапир, М. И.: 1999а, 'Пушкин и Овидий: новые материалы: (Из комментариев к «Евгению Онегину»)', *А. С. Пушкин и мировая культура: Международная научная конференция: Материалы*, Москва, 49—51.
- Шапир, М. И.: 1999б, 'К текстологии «Евгения Онегина»: (орфография, поэтика и семантика)', *Вопросы языкознания*, № 5, 101—112.
- Čiževskij, D.: 1953, A. Pushkin, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, The Russian text edited with Introduction and Commentary, by D. Čiževskij, Cambridge etc.
- Nabokov, V.: 1964, A. Pushkin, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov: In 4 vols., New York (= Bollingen Series; [№] LXXII).
- Nabokov, V.: 1975, A. Pushkin, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov, Revised edition: In 4 vols., London.
- Ovide: An VII [= 1799], *Œuvres complètes*, Traduites en français, Auxquelles on a ajouté la vie de ce poëte; les Hymnes de Callimaque; le *Pervigilium Veneris*; l'Épître de [J. de] Lingendes sur l'exil d'Ovide; et la traduction en vers de la belle Élégie d'Ovide sur son départ, par [J.-G.] Le-Franc de Pompignan, Édition imprimée sous les yeux et par les soins de J. Ch. Poncelin, Paris, t. VII.

И. Г. Добродомов, И. А. Пильщиков